

Положив трубку, он мгновенно стер с лица всё выражение обиды и несправедливости. Цюань Цзю облизнул губы и посмотрел в окно на вечерние облака, окрашенные в багровый цвет.

Терпеть темноту, терпеть одиночество, терпеть желания — он давно уже привык.

Сам напросился, Чжао Тань.

Темой этой субботы было обучение человек-зверь, и множество редко появляющихся гостей устремились на мероприятие. В Цзиньлань тематические секс-вечеринки обычно проводили раз в неделю, и среди них человек-зверь была самой известной.

В этом мире как раз и находились благообразные молодые господа, которым нравилось смотреть, как белые и нежные игрушки прижимаются крупными собаками и используются для удовлетворения похоти. Раньше Чжао Тань ругал Тэн Хэ: сколько бы ты ни игрался, нельзя низводить людей до уровня скота. Но Тэн Хэ никогда не объяснял, по-прежнему используя эту противоречащую этике тему как приманку для привлечения клиентов.

Обычно крупные собаки, выставляемые на всеобщее обозрение, могли попасть внутрь, заплатив лишь 40% членского взноса. Как правило, это были отставные спецназовцы, вышедшие из тюрьмы преступники или же чиновники с чистой биографией.

Конечно, если у кого-то были особые извращенные склонности к вуайеризму, Тэн Хэ также отбирал часть игрушек для реального совокупления с настоящими собаками.

Это зависело от согласия самой игрушки.

После одного сеанса зоофилии можно было выручить как минимум стоимость автомобиля, поэтому порог входа был довольно высок. Чжао Тань, как знаковая фигура, естественно, уже давно вошел внутрь и ждал начала представления.

Но сегодня он всё время был мрачен, даже когда Мэн Цзюэ в наморднике, стоя на коленях у него между ног, дронил его член, не было никакой реакции.

— Брат Чжао, ты сегодня не в духе?

Металлические кандалы на запястьях Мэн Цзюэ звенели при каждом движении вверх-вниз, но он оставался лишь наполовину возбужденным, не оказывая никакой милости старательной собаке.

— Так развратно трясешь задницей, тебя уже трахали? — Чжао Тань носком ботинка сильно надавил на промежность Мэн Цзюэ, почти болезненно наблюдая, как тот бледнеет, но вынужден притворно улыбаться, униженно.

Кожаный ремешок намордника туго застегнут на затылке, у Мэн Цзюэ даже возникло ощущение, будто его горло сдавили, не давая дышать.

— Д-да, меня трахали.

Мэн Цзюэ с трудом ответил, электрический хвост, засунутый в его задницу, непрерывно вибрировал, и поза на коленях тоже не могла долго продержаться.

— Катись отсюда.

Чжао Тань, потеряв интерес, наугад выбрал бутылку вина и вылил её вдоль поясницы Мэн

Цзюэ, на этом закончив.

Грязь, беспорядок, разврат.

Холодным взглядом Чжао Тань окинул весь зал. На сцене были подвешены трое белокожих игрушек-мальчиков, раскинувших ноги и трясущих задницами перед зрителями. Влитое молоко стекало по внутренней стороне бедер, мягкие нежные ягодицы время от времени шлепала стоящая рядом крупная собака, из-за чего раздавались похабные стоны разной высоты.

У мальчика посередине правая нога безвольно свисала в странной позе.

Изначально Чжао Тань собирался покалечить его нижнюю часть тела, уже избив до потери чувствительности, но Тэн Хэ вдруг ворвался и настойчиво твердил, что это новая игрушка в его заведении, и в итоге выторговал, сохранив ему всё, кроме одной ноги.

— Если посмеет подсыпать мне наркотики, спустить на него десять собак, и на этом точка.

Это было единственным требованием Чжао Таня.

Но теперь, глядя на эти раздвигающиеся дырочки, Чжао Тань невольно вспомнил то отвратительное происшествие, когда он проснулся и обнаружил, что в него кончили. Даже самая соблазнительная сцена не могла вызвать интереса.

Обещанная Тэн Хэ чистая вещь в качестве компенсации тоже не маячила на горизонте. Сидеть здесь было чистой тратой времени, лучше уж пойти домой и посмотреть, как Чжан Е играет в игры.

При этой мысли Чжао Тань встал, застегнул пиджак и направился к выходу.

Покинув место, где вот-вот должна была начаться оргия, мысли Чжао Таня постепенно прояснились.

Тот мужчина в тот день — он действительно существовал?

Прежде чем он успел вспомнить лицо того мужчины, из глубины темного коридора вдруг донесся странный собачий лай. Если Чжао Тань не ошибся, то это была действительно собака, а не игра в человека-зверя.

Будто замороженный, Чжао Тань пошел вглубь.

В конце было пять дверей, за каждой из которых находилась комната для тренировок. В центре каждой двери было встроено одностороннее стекло почти в метр шестьдесят высотой. Чжао Тань не знал, откуда доносился тот собачий лай, но если он был из-за двери, то наверняка могли видеть, как он сейчас возбужден.

Раньше Чжао Тань никогда не заходил в тренировочные комнаты. Человек и собака... как ни подумай, это неправильно. Но тот сон... нет, та сцена, когда его изнасиловали под действием наркотиков, заставила его низ живота сжаться от жара, возбуждение было даже сильнее, чем то, что вызывал у него Мэн Цзюэ. Он не хотел признавать, насколько отвратительно было ощущение, когда сперма вытекала из его тела, и насколько же сладостно было, когда его проникали внутрь.

Наугад выбрав одну из тренировочных комнат, на двери которой висела табличка Эдемский сад, Чжао Тань, только войдя, почувствовал легкое несоответствие. Внутри слышалось лишь тихое прерывистое дыхание, не было той извращенной сцены, которую он представлял. Чжао Тань нашел диван и сел, при свете лампы в виде оленьей головы на стене разглядывая стоящего напротив крупного пса.

Мужчина был одет в стандартный тройной костюм, волосы были тщательно зачесаны назад, обнажая черты лица, более агрессивные, чем у Чжан Е. Взгляд был равнодушным, но выпуклость между ног делала его еще более соблазнительным. Даже не видя четко его лицо, Чжао Тань интуитивно почувствовал, что трахаться с этим человеком должно быть очень круто.

Чистое, молодое, полное силы тело, руки скрещены за спиной, принимая его взгляд.

— Первая встреча, буду признателен за ваше внимание, господин.

Он заговорил. Под намордником были красивые губы, и голос был не таким грубым и густым, как тот, что он слышал во сне, а скорее ясным и звонким.

— Первый раз?

Чжао Тань не считал, что его внезапное вторжение в тренировочную комнату может нарушить чужую игру. Напротив, врожденная аура заставляла людей думать, что он и есть хозяин этой комнаты.

Покрутив некоторое время зажигалку, Чжао Тань всё же закурил. Он и так был рожден с видом повесничающего молодого господина, а сейчас выглядел еще более сексуально, словно благородный мужчина, зашедший в квартал цветов и вина, чтобы слегка пригубить бокал.

Или, скорее, лицемер.

— Да, господин, — он не был уверен, спрашивал ли тот о переднем или заднем отверстии, поэтому ответил в общем.

— Тогда сначала поиграй и покажи мне.

Убедившись, что тот, кто изнасиловал его той ночью, был не он, Чжао Тань расслабленно откинулся на диване, с удовольствием наблюдая, как мужчина напротив, с торчащим членом, занимается мастурбацией.

Услышав приказ Чжао Таня, мужчина один за другим снял с себя одежду, кроме не снятых черных гольф и противоскользящих подвязок на ногах, а также белых перчаток на руках.

Сочетание металла с черно-белым вызывало невыразимое чувство воздержания.

Чжао Тань тоже снял пиджак. Черная рубашка внутри смялась, расстегнутый воротник открывал мерцающую белизну кожи. Только в такие моменты он обнажал маленький участок тела.

Чжао Тань был белокожим, поэтому предпочитал приглушать эту неподходящую плоть темными тонами. Во время секса он всегда оставался одетым, и никто не видел его тело под строгим костюмом.

Ему нравились послушные. Жаль только, что в конце отношений всегда находились те, кто хотел захватить инициативу, пытаясь повлиять на его мысли. Как только дело доходило до этого, Чжао Тань нисколько не сожалел.

Ему просто нравилось контролировать всё в другом человеке, ведь его собственное сердце уже давно вышло из-под его контроля. Если даже в сексе он не мог занять абсолютно доминирующую позицию, то какой смысл был жить?

— Медлишь, ждешь, когда дадут в рот? Сними перчатки.

Чжао Тань нетерпеливо подгонял.

Возбужденный половой член мужчины выпрыгнул наружу. Чжао Тань смотрел на его мускулы, и у него даже возникло желание заняться мастурбацией.

Эти мускулы действительно были прекрасны. Грудные мышцы накачаны как раз достаточно, на ощупь они, должно быть, были превосходны, а пресс и вовсе заставлял кровь кипеть.

С интересом Чжао Тань наблюдал, как тот послушно дробит свой возбужденный член вниз. Размер был сопоставим с его собственным, а может, и больше?

Но это не имело значения, ведь Чжао Тань трахал только других.

Казалось, взгляд Чжао Таня ещё больше возбуждал его. Мужчина тихо стонал, водянистая жидкость из красной головки сочилась и капала вниз. Когда левая рука опиралась на стол, выпирающие вены на руке казались живыми, пульсирующими и выпирающими наружу. Мясной стержень становился все краснее, крайняя плоть была полностью отодвинута за венечную борозду, нежно-розовый цвет углубления напомнил Чжао Таню, что этот человек, возможно, и вправду был девственником.

Наблюдая, как мужчина мастурбирует, и без того возбужденный Чжао Тань отреагировал еще сильнее, даже соски под рубашкой начали зудеть.

Той ночью его соски жалко терзали, лизали и покусывали губы и язык незнакомого мужчины, они даже распухли и заболели, и все эти дни ему приходилось пользоваться мазью, чтобы смягчить жгучую боль.

Но сейчас они снова начали набухать. Чжао Таню было неловко, он не хотел тереть соски перед крупным псом в заведении.

На некоторое время в комнате остались лишь звуки мужской мастурбации и сдержанные стоны.

В тексте присутствуют сцены насилия и сексуального характера, характерные для жанра.

<http://bllate.org/book/15579/1387265>